

ВОЗВРАЩЕНИЕ С ЯРМАРКИ

Угит. газ. 1982, 23 окт.

ВОТ КАК ОНО БЫВАЕТ, оказывается, — и автобиография может стать художественным произведением — взволнованным, искренним, глубоко интересным. Конечно, это происходит лишь в том случае, если повествование не только «о себе», но и о времени. Впрочем «Летят мои кони...» Б. Васильева (журнал «Юность» № 6, 1982 г.) имеет откровенный подзаголовок «Повесть о своем времени».

Рецензировать автобиографию непросто. Но как иначе уговорить непрочитавшего — прочесть, а торопящегося — подумать? Ведь подумать тут есть о чем! Когда дело идет к шестидесяти и в человеческой памяти прошедшие годы становления, испытания и проверки характера на прочность совпадают с предвоенным, военным и послевоенным временем, можно спокойно, без доли позерства, заявить: «Да, едем с ярмарки». Можно (и нужно!) оглядеться, ответить на многие вопросы. Кому? Да самому себе. И другим — тем, кто помоложе, в

частности. Хотя бы для того, чтобы те, другие, не спотыкались на тех же самых местах. Вечная забота старших, если, конечно, они люди по-настоящему заинтересованные и мудрые.

Это повесть и о закладке фундамента личности, о нравственных устоях человека, о том, что все начинается с детства. Трудно оценивать, взвешивать образы «действующих лиц». Бабушка, родители, учительница русского языка, с помощью которой семиклассники выпускали литературный журнал «Объемом в две ученические тетради»; или учительница немецкого, привившая ребятам любовь к театру, — они не придуманные литературные герои, а живые люди, счастливо встретившиеся Б. Васильеву в юные годы, а теперь и нам, читателям. Вот, скажем, Доктор (с большой буквы!)... Тот, кто родился и жил не в столицах, а в обычных городах и поселках, отлично знает, что такое городская знаменитость. Таким почти святым человеком изображен смо-

ленский доктор Янсен. «Врачебный и человеческий авторитет доктора Янсена был выше, чем можно себе вообразить в наше время, — пишет Б. Васильев. — Уже прожив жизнь, я смею утверждать, что подобные авторитеты возникают стихийно, сами собой кристаллизуясь на насыщенном растворе людской благодарности». Доктор погибает, спасая двух мальчишек, угловидших в колодезь, перенасыщенный метаном.

Предвоенное время, вступающее в рост со страниц повести, отмечено деловитостью, строгостью, почти аскетизмом; оно лишено самодовольства, но в нем находят свое место романтика и ребячья мечтательность. Там, в старинном горде, царит атмосфера подлинного и теснейшего интернационализма. Пафос его прекрасно передан Б. Васильевым: «...люди делятся не на русских, поляков, евреев или литовцев, а на тех, на кого можно положиться, и на тех, на кого положиться нельзя».

Переломный и трагический день 22 июня 1941 года был встречен многими школьниками, по сути еще детьми, чуть ли не с ликованием. Но из четырех парнишек, глупо оравших «Ура!» в день начала Великой Отечественной войны, в живых остался лишь один. И дальнейший путь его — в крутых поворотах: военное лихолетье, где было и оружие в смоленских лесах, затем инженерный факультет автотронетанковой академии, работа инженером-испытателем на одном из уральских заводов. И, наконец, твердое, но всегда рискованное (особенно поначалу) решение посвятить себя целиком литературе, творчеству. Автор искренне рассказал о всех перипетиях и сложностях этого отрезка пути — точно так же, как, вспоминая детские годы, стремился дать правдивую картину, когда неуклонно росла общая культура, но порой еще в школе на уроках литературы «яростно спорили, стоит ли изучать дворянина Пушкина»...

...Заключительные страницы повести написаны бегло, события как бы прочерчены пунктиром. Легко догадаться — здесь писателю просто-напросто мешала стеснительность, да, в самом прямом смысле. Конечно же, он был во власти сомнений: а надо ли останавливаться на собственной персоне литератора? Скромно ли это?.. Возникшая тут неуверенность, ее побудительные мотивы, будем считать, благородны, но вряд ли можно оправдать их — ведь все же помешали обстоятельному, несуетному изложению.

Подробный рассказ о начале литературного пути был бы интересен не только неискушенному читателю, но и литератору-профессионалу, и молодым писателям в частности. Автор широко известных произведений «А зори здесь тихие», «Иванов катер», «Не стреляйте в белых лебедей», «В списках не значился» мог бы здесь «распахнуться» шире.

В целом же повесть учит главному: доброте, любви, благодарству. И работе — да, и ей. О работе болтают бездельники, говорит автор, нормальные люди ее делают. Старательно, четко, аккуратно и скромно. И добавляет: «Ведь работать, не крича о собственном трудовом рвении, столь же естественно, как есть не чавкая».

В повести «Летят мои кони...» нет, или почти нет, плохих людей, но постоянно чувствуется противостояние и столкновение добра и зла, пусть и не в лоб. Фраза об отце, кадровом командире, достойно и прямо прошедшем свой путь: «Вероятно, у него были враги — нельзя честно прожить жизнь, не нажив врагов» — не кажется мне случайно оброненной.

В жизни постоянно приходится выбирать. Новая повесть Бориса Васильева помогает читателю, особенно молодому, делать правильный выбор.

М. НАЙДИЧ,
член Союза писателей
СССР.

г. Свердловск.